

«...И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрим, тихим словом».

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ.

СЕМЬЯ ТАРАСА

К Р О К О Д И Л

МЕХАНИЗАТОРЫ-НОВОСЁЛЫ

— Вот мы и прибыли на наш новый участок.

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

Открытое письмо

В МИНИСТЕРСТВО ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ СССР

Уважаемый товарищ Министр!

Уважаемые товарищи заместители Министра!

Сегодня мне хотелось бы поговорить о визах. Речь идёт о тех многочисленных подписях, которыми обильно снабжаются почти все ваши исходящие. Постановка этого животрепещущего вопроса вызвана теми обстоятельствами, что ни коллеги, ни сам Министр до сих пор не уделяли визе должного внимания. Я, конечно, не настаиваю, чтобы в научно-исследовательских институтах готовили диссертации на темы: «Виза и её значение в дальнейшем развитии железнодорожного транспорта», «Виза и жизнь», «Химия и её роль в изготовлении чернил для визирования приказов».

Но заняться визой следует вплотную. Этим вы должны заняться ещё и потому, что слово «виза» является, пожалуй, самым распространённым словом в Министерстве. Оно буквально не сходит с уст ваших работников. Встречаясь на углу Ново-Басманной и Садовой возле высотного здания у Красных ворот, на Садово-Черногрязской, Рязанской, Ольховской и на других московских улицах, где расположены управления МПС, люди в железнодорожных шинелях вместо «Как ваше здоровье?» спрашивают друг друга:

- Небось, к нам за визой?
- Вы угадали. Иду к вам визировать приказание. А вы к нам?
- К вам. Тоже за визой.
- Ну, желаю успеха!
- И вам того же!

Кое-кто склонен даже утверждать, что виза в вашем Министерстве обладает какой-то магической, сверхъестественной силой. И, наоборот, если в проекте приказа или приказа нет полного комплекта виз, такой документ не попадёт в число исходящих.

Чтобы не быть голословным, обращусь к фактам.

Приказание Министерства относительно типовых штатов и должностных окладов работников строительных организаций должно быть подписано первым заместителем Министра тов. И. Гоциридзе до 1 января 1954 года. Но тов. Гоциридзе счёл, что одному ему с этим делом никак не справиться. На всякий случай он решил заручиться визами. Дескать, в случае чего, не один я в ответе.

И вот к двадцатым числам февраля на втором экземпляре приказа стояли подписи начальников, заместителей и помощников начальников отделов товарищей Динерштейна, Крылова, Скворцова, Кострова, Востоковой, Молчанова, Сильвестрова, Пескова. Хвост этого запоздалого документа имел уже вот такой вид:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ
 И. ГОЦИРИДЗЕ

Но это подписи второстепенные. А каково по сему поводу мнение начальников управлений? Заручившись визами подчинённых (на всякий пожарный случай), эти начальники тоже завизировали приказание, но уже не второй, а первый экземпляр. К восьми визам прибавилось ещё четыре — товарищей Носкова, Масловского, Абакумова, Бартошевича. Вот они, эти ответственные подписи:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ МИНИСТРА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

(И. ГОЦИРИДЗЕ)

И это ещё не все. Чтобы приказание поступило в экспедицию, нужна подпись самого заместителя Министра тов. И. Гоциридзе и его референта. Особенно референта! Хорошо, если он согласится дать свою визу! А если нет, пиши пропало! Не увидит такая директива света божьего!

В практике Министерства есть примеры, когда отсутствие какой-либо одной визы длительное время задерживало решение важнейших для железнодорожного транспорта вопросов. Даже к указаниям правительства здесь пытаются приложить свои визы.

В прошлом году Министерству предложили улучшить капитальное строительство на железнодорожном транспорте. Вы, товарищ Министр, в свою очередь, приказали начальникам управлений в двухнедельный срок представить свои соображения по оснащению дорожных строительных организаций необходимыми механизмами. Это было в июле 1953 года. Во исполнение вашего приказа в августе того же года было составлено приказание. Его завизировали все, кроме начальника главного управления материально-технического обеспечения тов. Щурова. Он наотрез отказался визировать приказание. Пытались его уговорить.

— И не просите! — отмахивался тов. Щуров. К числу уговаривающих примкнул и первый заместитель Министра тов. Гундобин. Но и он не добился недостающей визы. Тогда первый заместитель Министра написал Щурову слёзное прошение:

«...прошу Вас пересмотреть своё решение и изыскать возможность в IV квартале текущего года пополнить Цудорстрой строительными механизмами».

Текущий год истекал, а щуровская виза так и не была поставлена. В ноябре начальник Цудорстроя тов. Носков обратился к самому Министру и просил его вмешаться в это не в меру затянувшееся дело. На дворе март 1954 года, а важные для строительства дела всё ещё рождаются.

Теперь, уважаемые товарищи, вам ясно, какое значение в вашей работе приобрела виза. А ведь таких примеров в вашем Министерстве считать не пересчитать!

В связи с этим предлагаю обсудить вопрос о визах на одном из своих заседаний. Только при этом убедительно прошу вас не посылать моё предложение на визирование! Чего доброго, застрянет, и концов не найдёшь!

Крокодил

Суюнши

РАССКАЗ ЧАБАНА

Видели ли вы человека, который любит дурные вести? Я, признаться, не встречал. Даже самый спокойный мужчина начинает тихонько дрожать, как старый верблюд на гладком льду, когда видит гонца с дурной вестью. Другое дело — гонец, привезший радостную новость. У нас, казахов, существует обычай делать подарок — суюнши — человеку, принесшему хорошую весть.

Но, извините, я немного отклонился в сторону. Отбросим, как говорится, скорлупу и возьмёмся за зерно дела. Около года назад у меня родился сын. Восьмой по счёту. Восьмой сын — это большая радость. Осенью я попрощался с ним и поехал в Умбет.

Наш Умбет — самое большое и тёплое урочище в пустынных песках Моюн-Кум. Там зимуют многие тысячи овец колхозов Луговского района. Не подумайте, что в Умбете есть только пески и овцы. Там имеются и агентство связи, и радиостанция, и больница, и красная юрта, и баня, и магазин — в общем всё, что полагается иметь в приличной советской пустыне.

Но я опять свернул в сторону. Придётся взять коня за повод и вывести его на прямую дорогу моего рассказа. В начале зимы заболел мой сын. Хворал он без малого три месяца. Лишь на прошлой неделе племянница Найли, вернувшаяся из отпуска, сообщила мне, что Куандык поправился, хорошо растёт и, слава аульному доктору, кушает с аппетитом.

Словом, Найли принесла хорошую новость. Ей полагалось суюнши.

С этого всё и началось.

Я задумался над тем, какой подарок лучше купить девушке. И чтобы долго не ломать себе голову, я пошёл к Найли и спросил её:

— Что бы ты хотела получить в подарок?

— Купите мне напёрсток.

— Только и всего?

— У кого денег мало, с того стыдно спросить много, — ответила она.

Ну и хитрушая девчонка! Она-то знает, что недавно мы с женой получили на трудодни 450 пудов хлеба, 7 тысяч рублей деньгами и в порядке дополнительной оплаты 56 баранов. Правда, по доходам я не догнал Василия Рыбалкина из колхоза «Прогресс», Полудинского района, Северо-Казахстанской области: он получил 1 162 пуда кле-

ба, 20 тысяч рублей деньгами и 60 ягнят...

Однако я опять сбился с тропы... Прихожу я, значит, в магазин и говорю заведующему Утемису Джабаеву:

— Нужен подарок — суюнши...

— Были бы деньги, подарок найдётся, — отвечает расторопный Утемис. — А кому ты хочешь его преподнести?

— Девушке-красавице, невесте...

— Это можно, это для нас плёвое дело, — отвечает Утемис и выбрасывает на прилавок десять пар кирзовых сапог.

— Кирза сейчас не пойдёт, — говорю я. — Давай туфли.

— Туфли кончились. Не возьмёшь ли что-нибудь из одежды? — говорит он, снимая с полки несколько телогреек и ватных штанов.

— Забери свою вату, — говорю я.

— Как, ты отказываешься от этих несравненных штанов?

— Отказываюсь. Дай мне лучше шёлковое платье.

— Платья не имеется.

— Кофточка?

— Распроданы.

— Ботики?

— Нет.

Я перечислил ещё с десяток вещей, пока не сказал:

— Может быть, у тебя найдётся хоть напёрсток?

— Напёрстки, наверно, получим в будущем квартале.

— Что же у тебя есть?

— Жерех.

— Это что за птица?

— Это не птица. Это рыба!

— Живая?

— Консервированная. Я думаю, что если у аллаха есть жена, то она обязательно сидит сейчас на

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

седьмом небе и кушает консервированный жерех, банку за банкой!

— Дай мне эти райские консервы, если у тебя нет других вещей.

Взял я двадцать банок консервов и понёс Найли. Но так как она не жена аллаха, а племянница чабана, подарок не слишком понравился ей.

И вот я решил обо всём этом рассказать вам. Пусть мой рассказ станет подарком председателю Джамбулского облпотребсоюза товарищу Валиеву, который не радуется хорошими торговыми вестями колхозных чабанов.

Записал А. ОМЕЛИН.

Моюн-Кумы,
урочище Умбет,
Джамбулской области.

Рисунок Г. ВАЛЫКА.

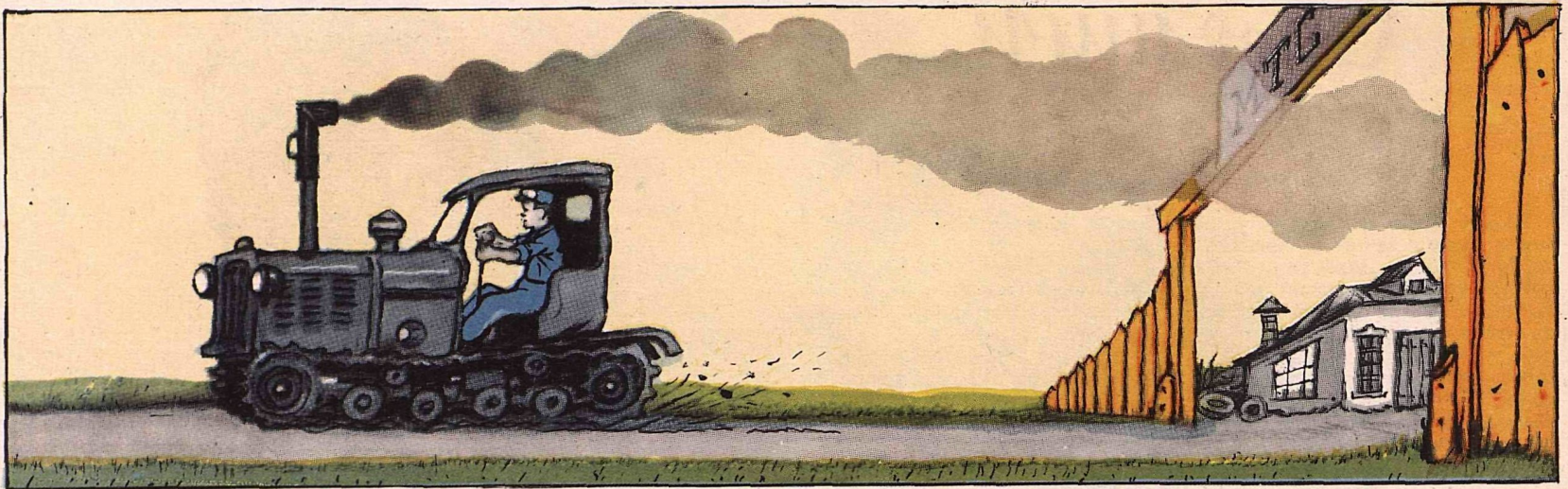

Наряд, который прочно вошёл у нас в моду.

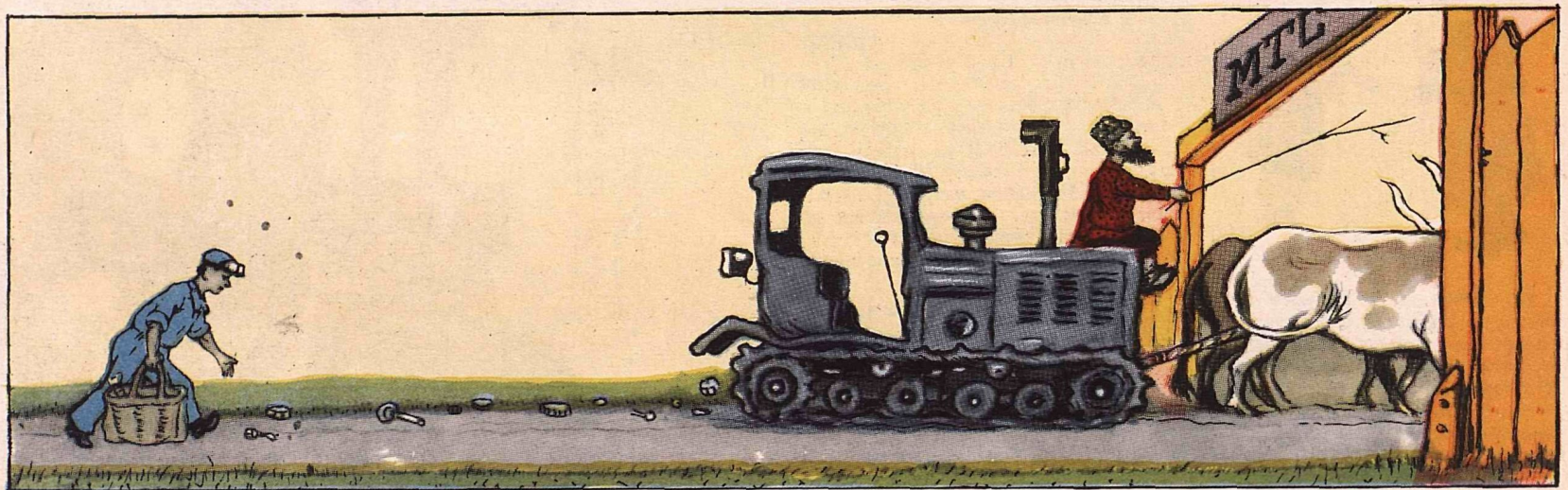
2/354

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

То пойдёт на поля за ворота...

...то вернётся обратно опять...

ХОРОШО ИМЕТЬ ДРУЗЕЙ В ПАВЛОДАРЕ!

1. В РЕСТОРАНЕ «ИРТЫШ»

— Эй, официант! Пач-чему обслуживаешь не нас, а этих шаромыжников?

— Позвольте, гражданин! Во-первых, мы пришли раньше вас, а во-вторых, выражайтесь повежливей...

— Ага! Ты ещё перечить мне вздумал? Мне, Галимжану Макашеву? Секретарю обкома комсомола?! Да я из тебя сейчас бесбармак сделаю!

Трах!..

2. В ПАВЛОДАРСКОМ ОБКОМЕ ПАРТИИ

— Ай-яй-яй! Отличился, Галимжан! Воспитатель молодёжи, кажется, даже некурящий — и вдруг скандалит в ресторане!

— Виноват, дорогие! По молодости лет. Больше не буду.

— Что ж, чистосердечное признание — смягчающее обстоятельство. А всё-таки от работы второго секретаря обкома комсомола придётся тебя отстранить. Уж очень громкий случай. Но ты того... духом не падай. Назначаем тебя директором областного лекционного бюро. Сам, голубчик, виноват: уронил себя в глазах молодёжи — изволь воспитывать теперь взрослых.

3. В РЕСТОРАНЕ «ИРТЫШ»

— Удачно ты отделался, Галимжан. Позволь мне, твоему другу Сыздыкову, от всего сердца пожелать, чтобы твоя жизнь на новом посту текла, как степная песня, плавно и долго. Пусть морщины никогда не омрачат твоё светлое чело! Да превратит аллах твоих недругов в ишаков!

— Правильно! Твоими устами говорит сама мудрость. Ты воистину величайший и мудрейший из всех секретарей обкомов комсомола по пропаганде. Ура!!

— Граждане, прошу вести себя потише: вы в общественном месте!

— Ой-бой! Нас оскорбляют! Сыздыков, вооружайся посудой!

Трах! Дзынь!

4. В ПАВЛОДАРСКОМ ОБКОМЕ ПАРТИИ

— Ну что нам с тобой, Галимжан, делать?

— Не могу знать, товарищ Сулейменов. Вам, как заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации, виднее. Только учтите, что я чистосердечно раскаялся...

— Как же, учтём это смягчающее вину обстоятельство. Но, право... Куда же те-

перь тебя, буяна и скандалиста, пристроить?

— Желательно на руководящую работу.

— Это само собой. Ты с полиграфией знаком?

— Никак нет. Но если будет угодно...

— Вот и договорились. Назначаем тебя на должность начальника областного отдела Полиграфиздата.

5. В РЕСТОРАНЕ «ИРТЫШ»

— Вы думаете, что Галимжан Макашев пропал? Как бы не так! У Галимжана, слава аллаху, есть ещё друзья и приятели. Ну, чего вы на меня уставились, вы, с соседнего столика? Вот я вас!..

Трах... Дзынь!

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Как видим, течение времени не облагородило сколько-нибудь заметно характер бравого Галимжана. Однако снимать его с последней должности не торопятся. Повидимому, нет под рукой более высокого вакантного поста. А иных мер воздействия к Макашеву в Павлодарском обкоме применять не решаются.

Н. БАЖЕНОВ

СЫКТЫВКАРСКОЕ ЭХО

Недавно читателям журнала «Колхозное производство» и сыктывкарской газеты «За новый Север» удалось обнаружить близнецов, обладающих абсолютным внутренним сходством. Мысли, желания, слова и поступки их совпадают с поразительной точностью.

Одного из близнецов зовут Николай Варламович Ясанин. Он председатель колхоза имени Кирова, Калининского района, Сталинградской области. Другой — Изосим Александрович Коюшев. Он председатель колхоза имени Калинина, Сыктывдинского района, Коми АССР.

Стоит улыбнуться Николаю Варламовичу (Сталинградская область), как точно такая же улыбка немедленно озарит лицо Изосима Александровича (Коми АССР). Нахмурит бровь Ясанин, — глядишь, туча набежала и на чело Коюшева. Помянет кого-либо крепким словом первый, не замедлит это сделать за тридевять земель и второй. Возникнут какие-либо трудности у председателя кировского колхоза, как эти же трудности встанут во весь рост и перед председателем калининского колхоза... Вот как описывают жизнь и деятельность этих людей журнал «Колхозное производство» и газета «За новый Север».

Журнал «КОЛХОЗНОЕ ПРОИЗВОДСТВО» «Агроном» в главе колхоза». Очерк Я. Цветова.

Газета «ЗА НОВЫЙ СЕВЕР» «Вожак». Очерк В. Прудникова.

«Ясанин расширил представления колхозников о культуре земледелия и потребовал соблюдения ими агротехнических, зоотехнических и ветеринарных правил. Он развернул перед колхозниками план повышения урожайности, улучшения породности скота, производственного строительства...»

«Коюшев расширил представления колхозников о культуре земледелия и потребовал соблюдения агротехнических, ветеринарных правил. Он развернул перед колхозниками план повышения урожайности, улучшения породности скота, производственного строительства...»

Как видите, абсолютное тождество. Но это только литературные цветочки, ягоды будут впереди:

«Ясанин заметил, что первая бригада, вывозя на поля навоз, складывает его в небольшие кучи. Председатель остановил колхозников.

— Навоз надо укладывать в крупные кучи, — потребовал он. — А в этих — навоз потеряет до весны свои питательные вещества».

«Коюшев заметил, что во второй бригаде вывезенный на поля навоз складывают в небольшие кучи.

— От этого пользы будет мало: до весны навоз потеряет свои полезные качества, если его не сложить в большие кучи, — разъяснил он колхозникам».

Председатели не только в одинаковых выражениях реагируют на плохое хранение навоза, но и согласованным дуэтом учат уму-разуму колхозных бригадиров:

«Однажды бригадир Фёдор Свиридов, выслушав уже третье замечание за неделю, хмурясь, ответил Ясанину:

— С меня спрос не велик: я не агроном».

«Однажды один из бригадиров, выслушав замечания, хмурясь, ответил Коюшеву:

— С меня спрос не велик: я не агроном».

Попробуйте, скажем, отличить свинарку из колхоза имени Кирова от доярки из колхоза имени Калинина. Да никогда в жизни!

«Однажды вечером в контору пришла свинарка Марчукова. Раскрасневшаяся, сердитая, она с шумом распахнула дверь.

— Посылайте меня в поле! Моей ноги больше не будет в свинарнике!

Ясанин знал, что это лучшая свинарка».

«Однажды вечером в контору пришла доярка. Раскрасневшаяся, сердитая, она с шумом раскрыла дверь.

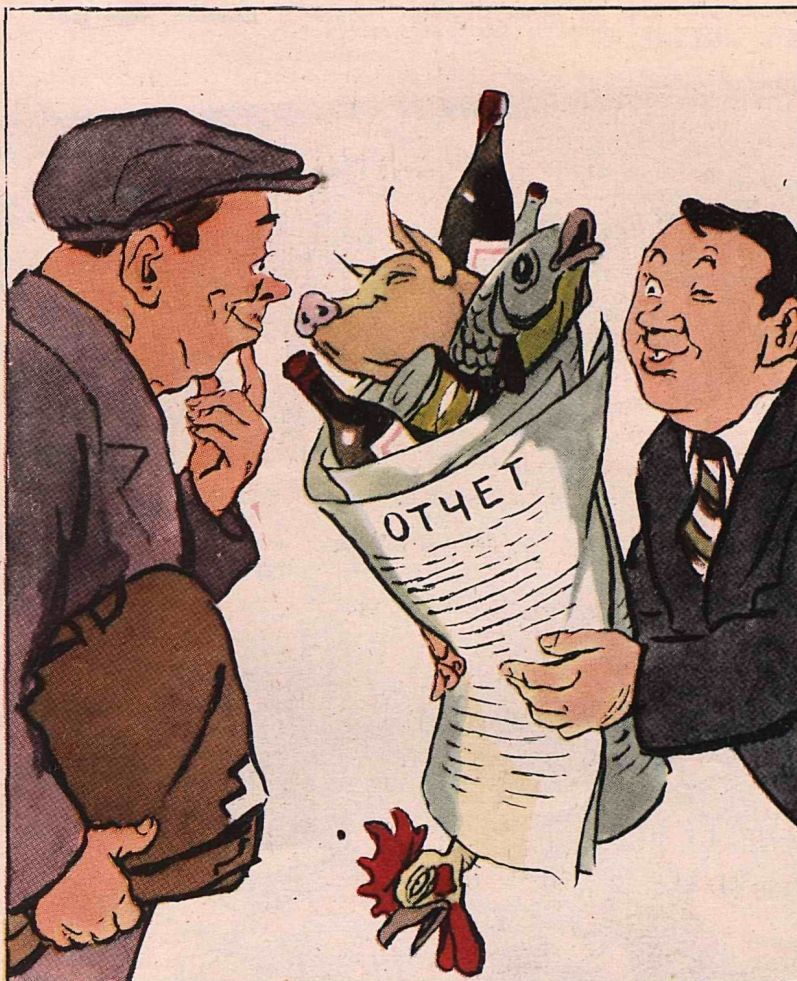
— Посылайте меня в поле! Моей ноги больше не будет на ферме!

Коюшев знал, что это одна из лучших доярок».

Удивительные эти совпадения вызвали большое недоумение у читателей «Колхозного производства» и «За новый Север». Между тем загадка сыктывкарского эхо чрезвычайно проста. Очерк Цветова был напечатан в мае 1953 года, а Прудникова — в январе 1954 года. Теперь легко догадаться, что Изосим Александрович Коюшев вовсе не является двойником Николая Варламовича Ясанина. Как нам удалось выяснить, у Изосима Александровича есть свои мысли, свой хороший опыт, свой творческие приёмы и методы в работе. Этого, к сожалению, нельзя сказать об авторе газетного очерка, работнике сельхозотдела газеты «За новый Север», литературном злоумышленнике В. Прудникове.

С. ПУШКОВ

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Вот, товарищ ревизор, отчёт о нашей работе...
— Хорошо, я учту его содержание.

В СЕЛЬПО

Рисунок Л. ГЕНЧА.

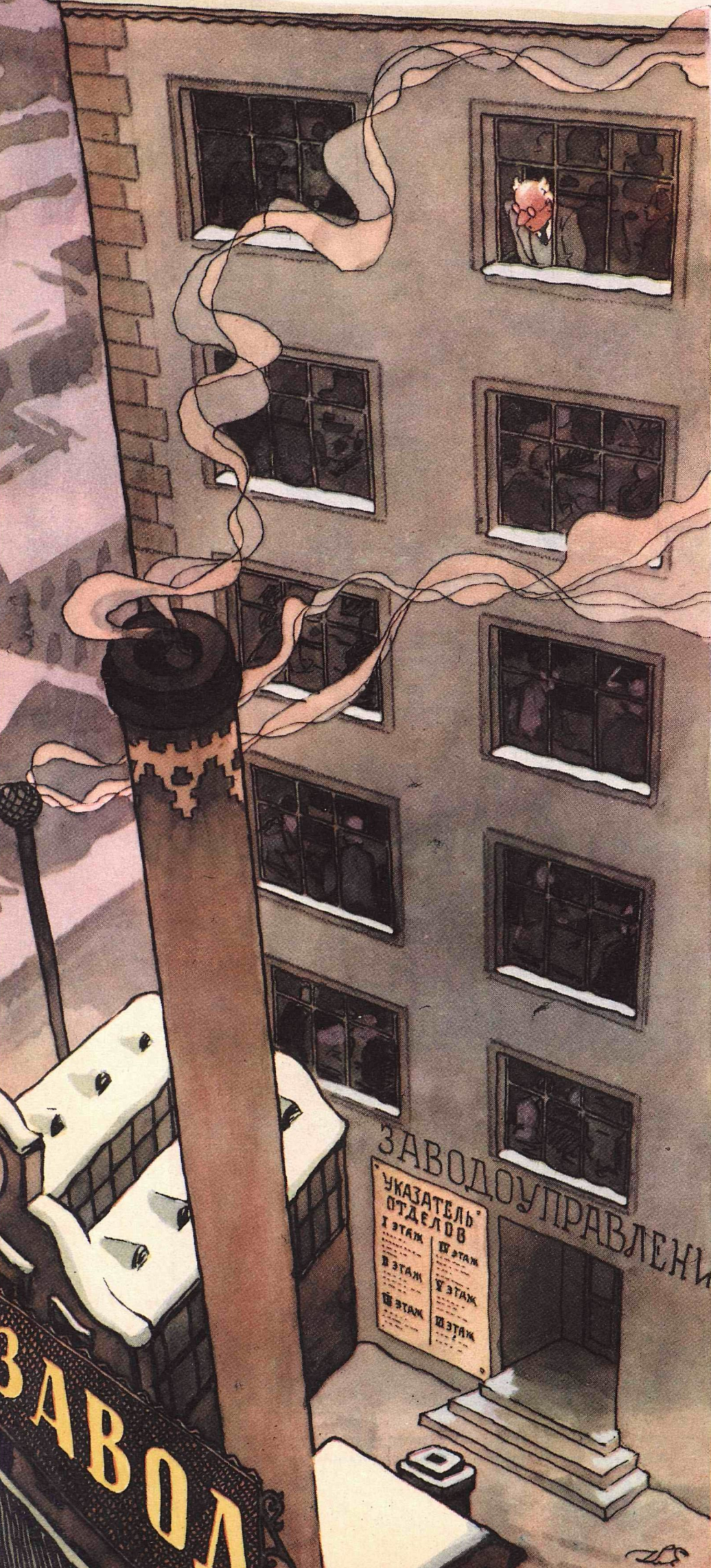

— Это у вас крынка или горшок?
— Как хотите, назовите, только в печку не ставьте.

На многих предприятиях чрезмерно раздут управленческий аппарат.

— А это что за пристройка?.. Шумит, дымит, нам работать мешает...

Тик-так

На камне утречком сидит
Захарыч невесёлый.
— Как быть? — На часики глядит
С обидою тяжёлой.
В звене порядка нет опять,
Запаздывают что-то.
Приходится сидеть и ждать,
А в поле ждёт работа!
Расхлябанность — вот худший враг,
Вреда приносит много!

А часики
«Тик-так!
Тик-так!»
Поддакивают строго.

— Нет! Нынче меры я приму!
Решительно! Серьёзно!
Поблажек больше никому! —
Захарыч смотрит грозно.
— О наших лодырях должна
Услышать вся бригада!
Лентяев выявить сполна
И пропесочить надо!
Ведь дисциплина не пустяк,
Она — побед основа!

А часики
«Тик-так!
Тик-так!»
Поддакивают снова.

— При всём колхозе пристыжу!
Открыто! Без утайки!
Об Антонине расскажу —
Болтунье и лентяйке!
Призвать к ответу! Будет прок.
Для прочих всех наука!
Однако тонин муженёк
В правление — вот в чём штука!
Как встретит он подобный шаг? —
Захарыч чешет темя.

А часики
«Тик-так!
Тик-так!»
Отстукивают время.

— Пойду в правление сейчас,
Скажу о дяде Коле.
Он разболтался. Он увяз
В проклятом алкоголе.
Но поругаешь — не простит
Обиды этой тяжкой.
И уж не жди — не угостит
Ни кружкой, ни рюмашкой!
Да и к тому же он свояк,
Рассердится бесспорно.

А часики
«Тик-так!
Тик-так!»
Свой счёт ведут проворно.

— Эге! — на вещий циферблат
Глядит Захарыч смело.
И рад он сразу и не рад:
Пол-утра пролетело.
— Теперь лишь несколько минут
Спокойно выждать нужно,
И скоро сами все придут,
Хоть и не очень дружно.
Осталось ждать совсем пустяк,
Дружки не подкачают!..

И часики
«Тик-так!
Тик-так!»
С усмешкой отвечают.

Владимир ИВАНОВ

СТРОИТЕЛИ РУК

Если вы приедете в Бавлинский район (Татарская АССР), вам покажут много нового, интересного. Вы увидите новые нефтяные вышки, новые рабочие посёлки, новые дома; вы познакомитесь с новаторами производства; вам с гордостью покажут переходящее Красное знамя Совета Министров СССР и ВЦСПС.

— Очень хорошо, просто замечательно! — скажете вы. — Весь район новый! А памятники старины есть? Какие? Ну, древности всякие, руины, развалины.

— Ах, развалины! Есть. Развалины — это можно. Это у нас там, где новый клуб нефтяников.

И в посёлке Ак-Буа вы видите типичную картину: облупившиеся колонны, потрескавшиеся стены, покосившуюся крышу, лобитые, шершавые ступени, а вокруг мусор, хлам, дичь старинного запустения. Удивительным только покажется, как и когда занесло сюда эти обломки афинского Парфенона...

На фасаде доска, на доске имена: «Архитектор — Урман, строитель — Аминов. 1952».

— До или после? — спрашиваете вы и, видя недоумение, поясняете: — Двадцать веков до нашей эры или уже в нашу? По древнему,

эллиническому стилю или по нашему, нынешнему? Храм это или клуб?

— Если по календарю, — говорят вам, — то это точно в нашу эру. А если по стилю, то в ихнюю, древнюю. А проще сказать, в прошлом году построили. Думали, будет клуб, а вышел старый храм.

Глубока драма здания, которое всего за два года пережило три эпохи: древнюю, среднюю и новую.

В древней — обольстительный, радостный, многокрасочный чертёж. Весёлый, белый фасад с колоннами не то дорическими, не то ионическими — вообще классическими. В густой зелени великолепного парка утопают эстрада для оркестра, беседки для поэтических встреч, площадки для спорта, уютные аллеи. А перед зданием мелодически журчит неумолчный фонтан, раскинулись газоны, на асфальтированной дороге стоят автомобили. Столь очаровала эта картина кисти художника Урмана, что все местные руководители, партийные, советские, профсоюзные, в один голос вскричали:

— Строить! Немедленно строить!

Так началась и через три месяца закончилась средняя история. Построили. Но зачем обижать хорошее русское слово? Для обозна-

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

— Здорово у вас на портрете волосы получились, как настоящие!
— Настоящие и есть, с кисточек выпали.

чения того, что происходило, есть другие слова: сколотили, сбили, сляпали, сварганили, отгрохали...

Сколотили стены, но в них такие трещины, что свободно входит рука. Сбили электропроводку, но тут же её перебили. Наляпали краску на полы, но её всю унесли на подошвах высокие посетители и члены приёмочной комиссии. Директор клуба, глубокий сердцевед и страстный охотник-следопыт, безошибочно определял: вот это тов. Малахов, второй секретарь райкома, протопал; а это первый секретарь тов. Галеев авторитетно ступал; а здесь заячьими прыжками петлял архитектор тов. Урман.

Старожилов в Ак-Буа нет, а новожилов вспоминают такие сцены:

— Да ведь потолок весь в трещинах, — говорили Урману.

— Сейчас замажем.

— А тут щели!

— Сейчас забьём, в один момент.

— А уборная? Где уборная?

— Да, недосмотрели малость. Забыли. Ничего, пара пустяков. За клубом ямку выроем, горбылём обнесём — все удобства, культура!

Архитектор и строитель поскорее спихнули свою «работу» приёмочной комиссии, а комиссия эта с величайшей готовностью приняла её. И были на открытии клуба произнесены ликующие речи, а на фасаде была водружена доска с именами Урмана и Аминова, и фотографии кричали: «Спокойно, снимаю!», — и в местных газетах печатались патетические отчёты о новой победе на бавлинском культурном фронте, а в сводке культурно-массового отдела ВЦСПС статистик лихо прищёлкнул новую единицу.

Тем временем началась новая история, которая продолжается и по сей день. Здание сразу же превратилось в руины. Горькая действительность ничего общего не имеет с обольстительным проектом. На картинке — Афины, в жизни — руины. Нет эстрады, нет беседок, нет площадок, нет газонов, нет фонтана. Зелень — одна картофельная ботва. К развалинам осенью ни подъехать, ни подойти: оплошное болото.

Внутри не лучше. Читающим мешают танцующие. Танцующим мешают отдыхающие. Отдыхающим мешают играющие. Все толкуются в одном помещении. Отопление отсутствует (оно не было даже предусмотрено).

Самые частые посетители клуба — члены комиссий. Прндут, посмотрят, покачают головами, повздыхают и уходят.

Вот так равнодушные, ленивые, нерадивые люди испакостили хорошее начинание. Кто он, тов. Урман? Кто он, строитель Аминов? Они прошли школу архитектуры и строительства, но разве Урман — зодчий? Зодчий — это создатель, а Урман — разрушитель. На каком основании он носит не принадлежащее ему звание? Разве Аминов — строитель? Он мастер-ломастер. Так его и звать надо.

Они несут ответственность за безобразие, но ведь и за них несёт кто-то ответственность. На художественные выставки не попадает незаконченная, кое-как, тля да ляп намазанная картина. В концерте не исполняют на барабанах произведение, написанное для скрипки. Есть общественный контроль. Да и не пойдёт на это уважающий себя художник, не допустит этого уважающий себя композитор. Но если бы и случилось такое невероятное событие, то дрянную картину можно снять со стены и убрать подальше с глаз. Дрянную музыку можно похоронить, так что её больше никто и не услышит, да и уши отчасти для того даны человеку, чтобы можно было в ином случае их заткнуть. А ведь строительный урод торчит у всех на глазах, и его не так легко убрать.

Волнует ли это наших архитекторов и строителей? Как терпят они случаи подмены архитектуры архихалтурой? Слышим ли мы их гневный голос против бракоделов? На строительной выставке есть много превосходных стендов, показывающих, как надо строить. Мы не видели стенда, который показал бы, как нельзя строить.

Включилась ли по-настоящему строительная общественность во всенародную борьбу за отличное качество?

Вот вопросы, которые возникают при созерцании горестных бавлинских руин.

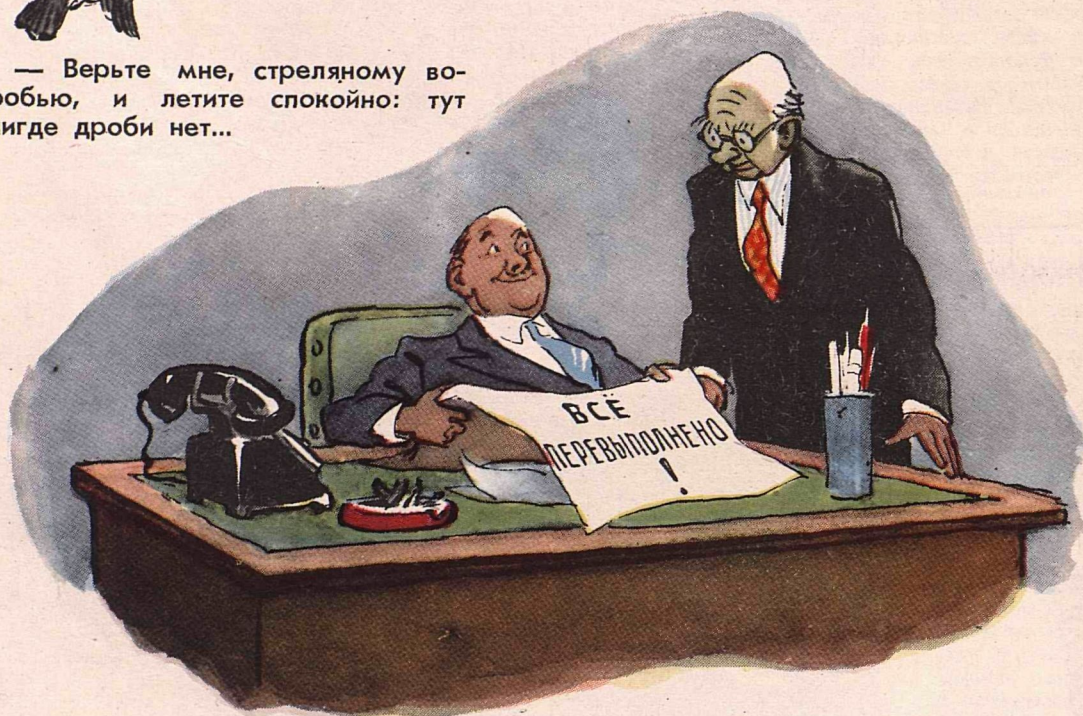
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Моя ПЕРЕЛЁТНЬЯ

— Верьте мне, стреляному воробью, и летите спокойно: тут нигде дроби нет...

— Судя по всему, это вам сорока на хвосте принесла.

— Зачем столько счетов?
— Ворон считают...

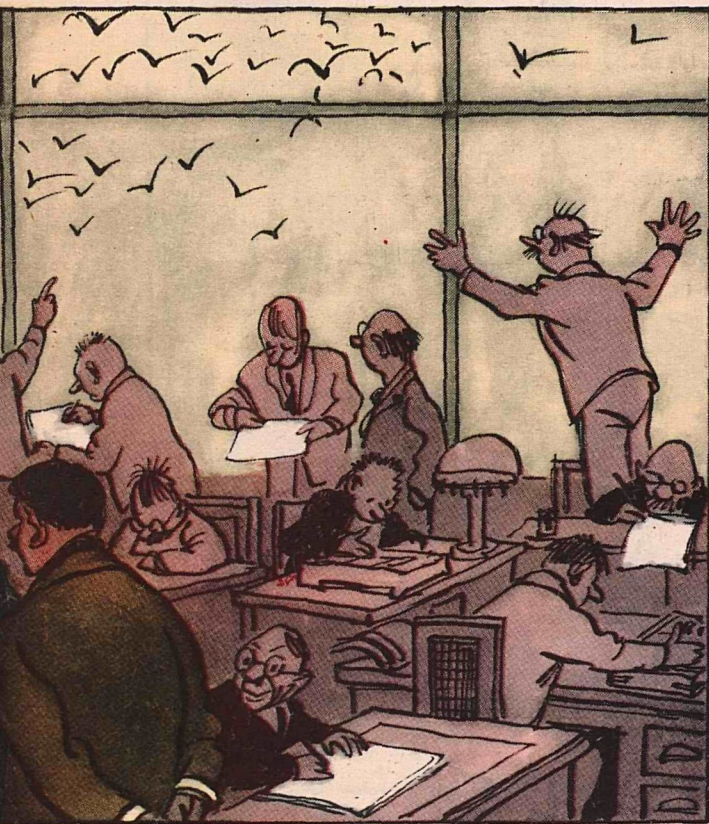
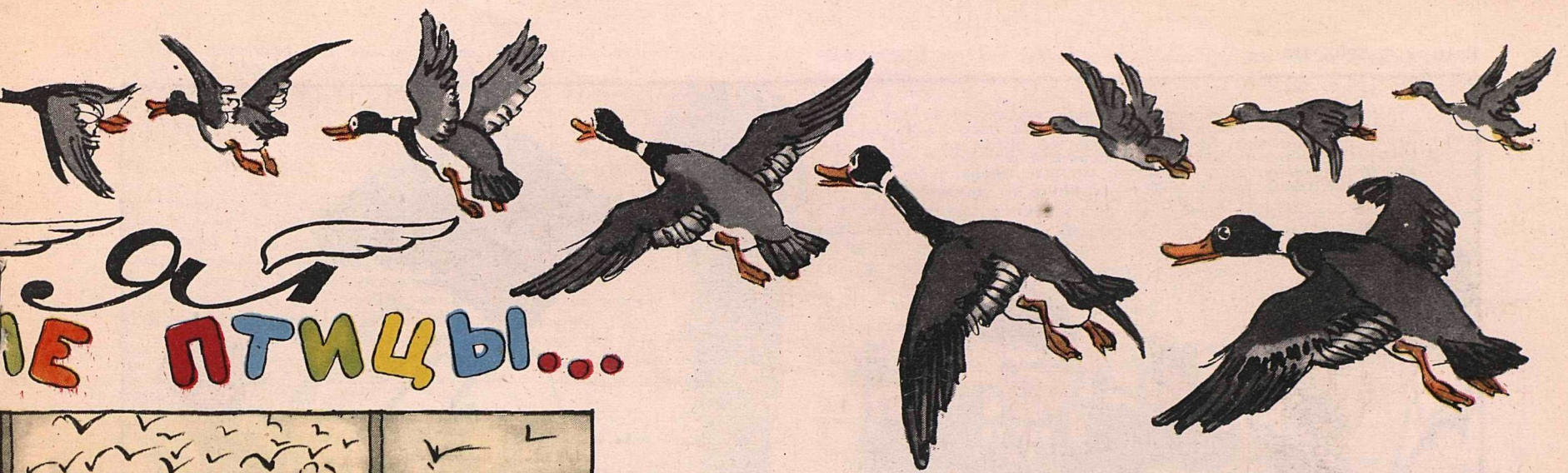

— Наш дятел похож на этого лектора: долбит одно и то же!

Отредактировано

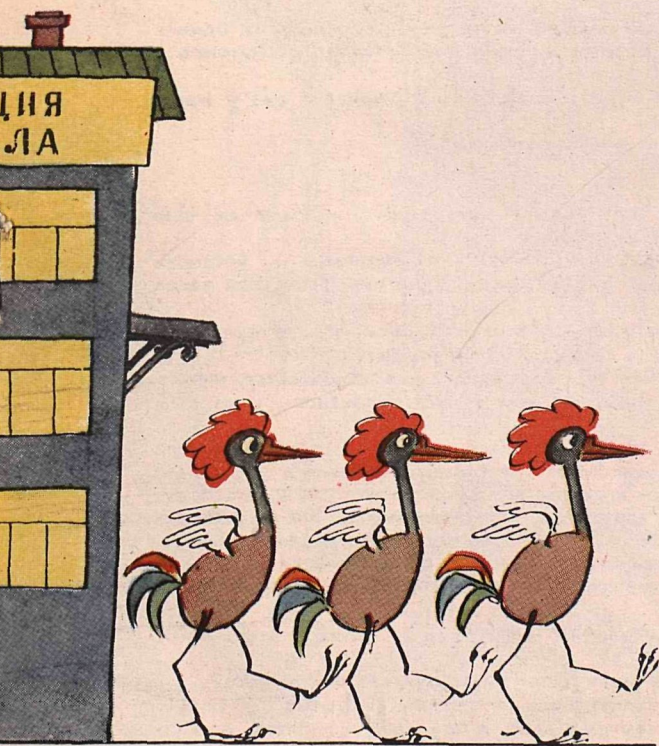

оводов? Что они делают?

— Чижик-Пыжик, где ты был?
 — На Фонтанке водку пил, ибо там ни чая, ни кофе нет и в помине...

вали...

Первая ласточка: — Учтите, что весну делаю не я, а вы!

Американские империалисты вмешиваются в войну между Демократической Республикой Вьетнам и французскими колонизаторами. Они отправляют в Индо-Китай не только самолёты и другую военную технику, но и лётчиков, которые официально именуются «гражданскими лицами».

— Господа! Тут произошла грубая ошибка! Я не французский военный лётчик — я мирный американский турист!

Ярослав ДИЕТЛ

ЗАТРАВИЛИ

— Ради бога, хоть какую-нибудь работу! — выпалил взъерошенный мужчина средних лет, врываясь в отдел кадров механического завода. Референт Крамолиш вытаращил глаза. Давно такого не случилось! Кадры валяются с небес!

— Работы хоть отбавляй! — обрадовался он и молниеносно схватил учётный листок. — Ваша фамилия?

— Антонин Стулик.

— Родились?..

— Безусловно. Точнее, двадцать второго мая девятьсот девятого года в Брно.

— Что побудило вас обратиться к нам?

— Меня выжили!

— Кто?

— Женщина. — В голосе Стулика прозвучал ужас.

— Ну, ну, успокойтесь!

Крамолиш предложил Стулику сигарету; тот блаженно затаился и начал:

— Должен вам сказать, что я отнюдь не женоненавистник. Я исправный супруг: натираю полы, ношу уголь из сарая и так далее. В общем всё на своём месте, а я больше всего люблю порядок. Теперь о моей профессии. Я с малолетства торгую в текстильных магазинах. Вы можете себе представить, чего можно достигнуть, простояв двадцать восемь лет за прилавком с тканями в руках! Завяжите мне глаза и дайте в руки кусок материи — я вам сразу же скажу, что это за ткань, из какой она пряжи, с какой фабрики, опытный ли ткач её делал, откуда привезена пряжа... Даже могу сказать вам, сколько её пойдёт, скажем, на перину, а сколько на стёганое одеяло или простыню. Скажу всё, что хотите.

Я об этом говорю не из хвастовства, а чтобы вы лучше поняли мою трагедию.

Ещё вчера я был заведующим магазином. Недели две назад ранним утром в магазин вошла она. Совсем молоденькая, милостивая такая. Я лихо развернул перед ней цветной шёлк. Но она говорит: «Я не за покупкой, меня прислали из управления работать» — и выкладывает передо мной всякие удостоверения.

Выяснилось, что она пришла в магазин по призыву женщин-домашних хозяек и что проучилась только две недели в учебном магазине. Я ей высказал сомнения насчёт её познаний, а она говорит:

«Ну, текстиль — дело женское, освою за пару дней».

Не успел я её как следует осадить, вошёл покупатель. Говорю ей невозмутимо:

«Вот, кстати, и явите ваше дамское умение».

Она только шепнула: «Ну и что же!», — а покупателю говорит:

«Пожалуйста, прошу вас!»

Ну и потеха началась! Он желает взять себе материал на брюки, а она не знает, сколько нужно. Я, само собой, стою в сторонке и наблюдаю.

«Сколько бы это могло быть?» — тихонько спрашивает она у меня.

Я в ответ очень вежливо:

«Кто его знает! Текстиль — дело женское».

Наконец она решилась:

«Так я дам два метра».

«Этого хватит на клёш для самого долговязого матроса да ещё останется на шапку-ушанку», — говорю я.

Тогда она бросается в другую крайность: предлагает три четверти метра. Я говорю, что на детские штанишки и на кармашек для часов этого, пожалуй, хватит.

Покупатель смеётся. Она совсем запуталась. А я? Я чувствую себя победителем... Однако война только ещё начиналась.

Она меня больше ни о чём не спрашивала. А я, разумеется, ничего и не объяснял. Надеялся, что она капитулирует. Оказалось, я не знал её натуры.

Я сам занимался подбором и отмеркой товара, а она советовала покупателям, как шить вещи, как, например, соединить два цвета или там что-нибудь другое в таком же духе. И вот как у нас получилось. Растолковываю я, например, покупательнице, что перед ней настоящая шерсть, таким-то и таким-то методом пропущенная сквозь особые машины — каландры, — и в другие технологические тонкости её посвящаю, а она — моя то есть специалистка-то — вдруг перебивает:

«Ах, как это будет великолепно, если сделать стоячий воротничок и рукав кимоно!»

Покупательница от меня нелюбезно отворачивается и к ней:

«Да? А что вы скажете насчёт высокой талии и закрытых застёжек?»

Ну, и обе ударяются в свои моды. А я при сём безмолвно присутствую. Вы слышите? Я! Старый специалист по текстилю и заведующий магазином!

Меня, конечно, всё это обозлило. Покупатели стали раздражать. И они всё больше обращались к ней.

Домой я возвращался в таком настроении, будто пустил с молотка весь магазин вместе со шторами. Только жена и могла меня утешить. Но вот теперь послушайте, что получилось.

Иду я, значит, вчера утром на работу. Прохожу мимо нашей витрины и, остолбенев, останавливаюсь. Потом бросаюсь в магазин и кричу:

«Что это вы напялили на дамский манекен?»

Моя специалистка с милой улыбкой говорит:

«Доброе утро, пане заведующий. В том тяжёлом зелёном пальто наша дама простояла три месяца, а сейчас уже весна. Не кажется ли вам, что ей было жарковато?»

Я отвечаю, что мне вообще никогда ничего не кажется и что одевать манекены имеет право только заведующий.

Так она на меня посмотрела, и так мне это не понравилось, что я тут же приказал ей снять этот образец с манекена. Ни вкуса, ни элегантности в нём нет, говорю. Надо выставить синее платье в полосу.

Она возражает: ничего, мол, хорошего не выйдет, если женщину будет одевать мужчина. Надо, дескать, подождать хотя бы день: что скажут покупатели?

«Да покупатели вас на смех поднимут! — говорю я. — И меня вместе с вами».

Не успел я ей объяснить, за что именно её высмеют покупатели, как входит моя жена: принесла мне завтрак, который я дома забыл. И прямо ко мне:

«Ну, Тоничек, это просто восхитительно! Я даже не узнала ваш магазин, как посмотрела на витрину. Это платье в цветах, что надето на манекен, просто прекрасно! Соседка мне уж утром говорила, что

обязательно сегодня зайдёт к вам. Ведь это его идея?» — обращается она к специалистке.

А та в ответ:

«Да нет, ваш муж как будто бы даже против».

Анежка, это моя-то, говорит:

«Тоничек всегда был очень скромным. Вот ему и непривычно... А что ты такой мрачный?»

— Ну, как я мог ей ответить?

В тот же день я решил, что ноги моей больше не будет в этом магазине. Сначала хотел перейти в другой, а потом сказал себе:

«Брось, дружище, не имеет смысла. Тебе и туда подсадят специалистку. Попадёшь из одного пекла в другое».

Тут-то и появилась у меня идея — пойти на самую что ни на есть коренную мужскую работу. Куда-нибудь в токарно-слесарную область. Вот и пришёл к вам.

— Так, так, это понятно, — сказал референт Крамолиш. — Однако что это вы прибежали сюда такой взъерошенный?

— А вот. Решил я о своём решении торжественно объявить этой специалистке. Захожу, значит, в магазин, и тут меня как громом шагнуло: за прилавком стоит моя жена, а специалистка её обучает. От магазина до вашего завода бежал, не останавливаясь.

Ну, теперь я спокоен. Довольно! Туда, на производство, в грохот стали и железа! Подальше от женского пекла! Свобода!..

Открылась дверь. Вошла невысокая голубоглазая девушка.

— Простите, я немного задержалась...

— Товарищ Фиалкова — наш главный инженер, — сказал референт Крамолиш, но, взглянув на Стулика, бросился к графину с водой.

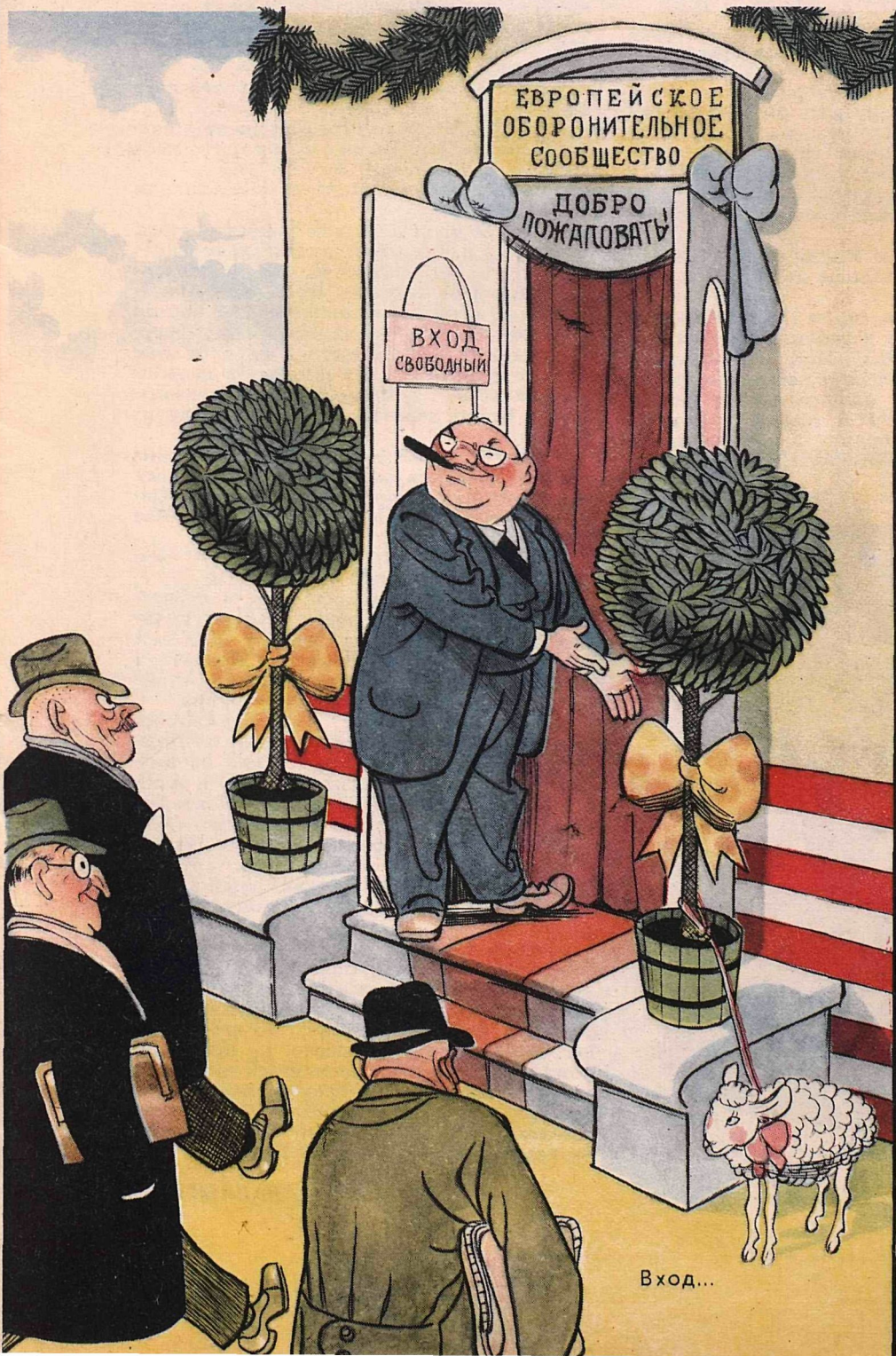
Стулик был в глубоком обмороке.

Перевёл с чешского из журнала «Дикобраз» Д. МОРОЗОВ.

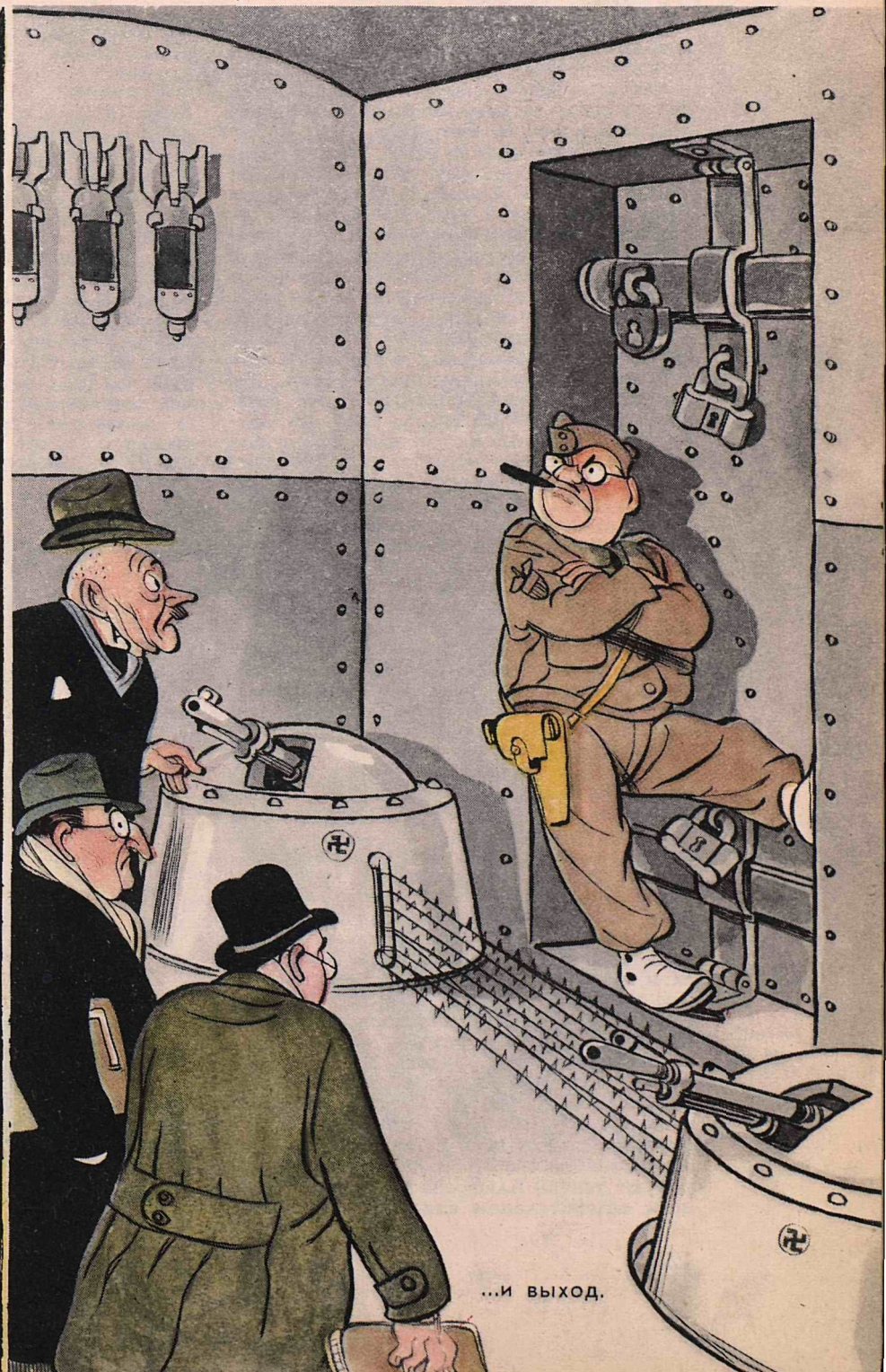
Рисунок Ю. ГАНФА.

ПРЕЖДЕ ЧЕМ ВОЙТИ, НАДО ПОДУМАТЬ, КАК ВЫЙТИ

Американская пропаганда пытается изобразить агрессивное «европейское оборонительное сообщество» в виде некоего безобидного клуба, из которого можно в любой момент свободно выйти.

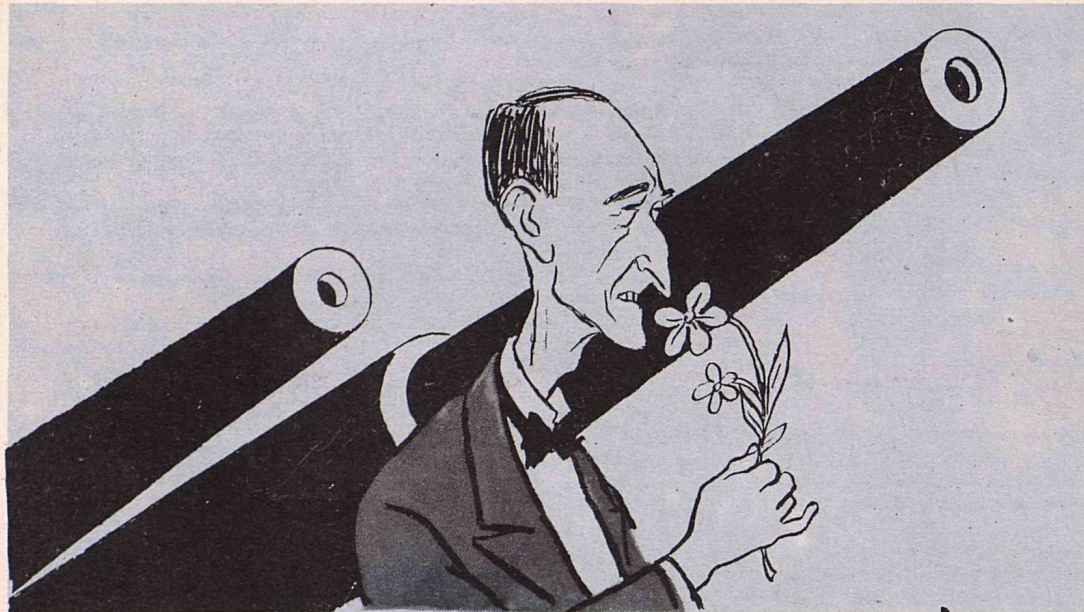
Вход...

...и выход.

ИСКУШЕНИЕ

святого Альфреда

Непорочное житие святого и присноблаженного Альфреда волнует сегодня американскую прессу. Судя по многочисленным и благоговейным описаниям, подвижник являет собою пример добродетели, образец кротости и предел смирения.

Кто же этот святой отец? Может быть, он отшельник-анакорет, ушедший в пустыню от мирской суеты? Может быть, он надел власяницу и вериги и предался великому покаянию? Может быть, он занялся умерщвлением плоти, и единственными его собеседниками стали скорпионы и змеи, ползающие среди камней?

Судя по описаниям жития святого Альфреда, опубликованным в журналах «Кольерс» и «Ньюсуик», перед нами, так сказать, модернизированный угодник. Это святой, праведный капиталист. Это миллионер-мученик. И полное имя его звучит так: Альфред Крупп фон Болен унд Гальбах.

Имя, известное всему человечеству! Святой Альфред прославил себя как один из самых крупных в мире торговцев кровью, как хозяин гигантских предприятий, vyrabatyvayushchikh смертоносное оружие. Как же сподобился он причисления к лику святых, чем искушил он чёрные свои грехи?

Блаженный Альфред несколько лет был отшельником. Правда, он ушёл от мирского соблазна не по своей воле, а по приговору нюрнбергского трибунала, который признал его в 1945 году военным преступником. Но не успел отшельник просидеть и половину срока своего заключения — шесть лет, — случилось чудо. Явился, как это принято в описаниях житий святых, посланец высших сфер. Посланец отверз двери темницы, снял оковы и освободил узника, сказав ему: «Иди с миром».

Посланец этот был не обычный персонаж житий святых, астральный шестикрылый архангел, а облечённый в мундир, мясистый и грузный генерал американской армии.

И было это так. Услышав в 1951 году глас с небес Уолл-стрита, верховный комиссар США в Западной Германии Макклой стал скорбеть душою и, пролив слезу, сказал, что не может более видеть страдания праведника Альфреда. И тогда из темницы вышел в светлых ризах преображённый Альфред Крупп фон Болен унд Гальбах. Авторы статей в «Кольерс» и «Ньюсуик» рисуют теперь Альфреда не иначе, как во всём ослепительном сиянии его святости

и с нимбом над головою. Кроткий Альфред всюду твердит о том, как он ненавидит оружие:

— Пушки? Ах, не говорите мне этого слова! Я не могу смотреть без содрогания даже на игрушечное ружьё в руках семилетнего крошки. Меня приводит в ужас жестокость этого несправедливого младенца, и сердце моё страждет, когда я вижу, как он целится в голову своего плюшевого медвежонка...

Во всех интервью Крупп повторяет, что никогда, никогда больше не будет он производить оружия.

Может быть, и в самом деле Альфред Крупп уподобился разбойнику, покаявшемуся в своих грехах? Нет, новообращённый Альфред ведёт себя несколько иначе, чем покаявшийся бандит. Он не пошёл «в монастырь, богу и людям служить». Альфред несёт бремя подвижнической жизни в другой обстановке.

Рисунки Бориса ЛЕО.

Со священным трепетом преклонения описывают современные волхвы — корреспонденты «Кольерс» и «Ньюсуик» — второе чудо, происшедшее с блаженным Альфредом. Вновь раздался глас с уолл-стритовских небес — и, как по мановению волшебного жезла, стали возрождаться гигантские заводы и несметные богатства империи Круппов. Корреспонденты с подбострастным восторгом свидетельствуют об этом новом чуде.

Праведник не питается акридами и мёдом диких пчёл. Описатели святых деяний почтительно рисуют в своих очерках новую щегольскую контору его сорока трёх предприятий, его роскошный особняк, перечисляют добрый десяток стран, с которыми ведёт торговые дела возрождённая фирма Круппов. Блаженный Альфред проливает ей на сердца приезжающих к нему из США интервьюеров тем, что держит в своём золотом портсигаре только американские сигареты и милостиво приглашает своих поклонников на званые обеды с американскими коктейлями. Он пленяет их скромностью, и кротостью, и тем, что «увлекается только одной фотографией». С некоторой игривостью, не свойственной старомодным «житиям святых», авторы современного жития рассказывают о том, что праведник Альфред удачно обзавёлся праведницей. Его новая супруга, баронесса Вера фон Хоссенфельдт — американская гражданка и немецкая уроженка, тесно связанная с американскими монополиями.

Очаровательная сорокадвухлетняя малютка-баронесса, видимо, мечтает о том, что в её честь когда-нибудь назовут самое гигантское орудие смерти «Большой Верой», как была наречена именем Берты Крупп пушка «Большая Берта». Очевидно, и здесь был голос с уолл-стритовского неба.

Щедро льётся золотой дождь на крупновские заводы. И сегодня голос с этого неба вызывает к Альфреду:

— Восстань, о праведник, и делай нам пушки!..

Но тут в притче об искушении святого Альфреда начинается самая драматическая часть. Американские военные деятели требуют от Круппа, чтобы он помог в перевооружении Западной Европы против коммунизма. А добродетельный Альфред, как уверяют авторы притчи, потупив очи долу, отвечает «нет». Больше того, судя по свидетельству летописца из «Кольерс», святой Крупп даже издевается над искусителями.

— Вы, — говорит он американским эмиссарам, — посадили меня сначала в тюрьму за то, что я делал оружие. Теперь вы угрожаете мне, заставляя его делать. Что вы от меня хотите?

Пущечный король отлично знает, чего от него хотят и чего хочет он сам.

Как только свершилось чудо и отверзлись двери темницы перед великомучеником Альфредом, длани щедрых даятелей потянулись к нему. Боннские правители созвали совет и порешили: пусть быстрее дадут оружие военные заводы Круппа.

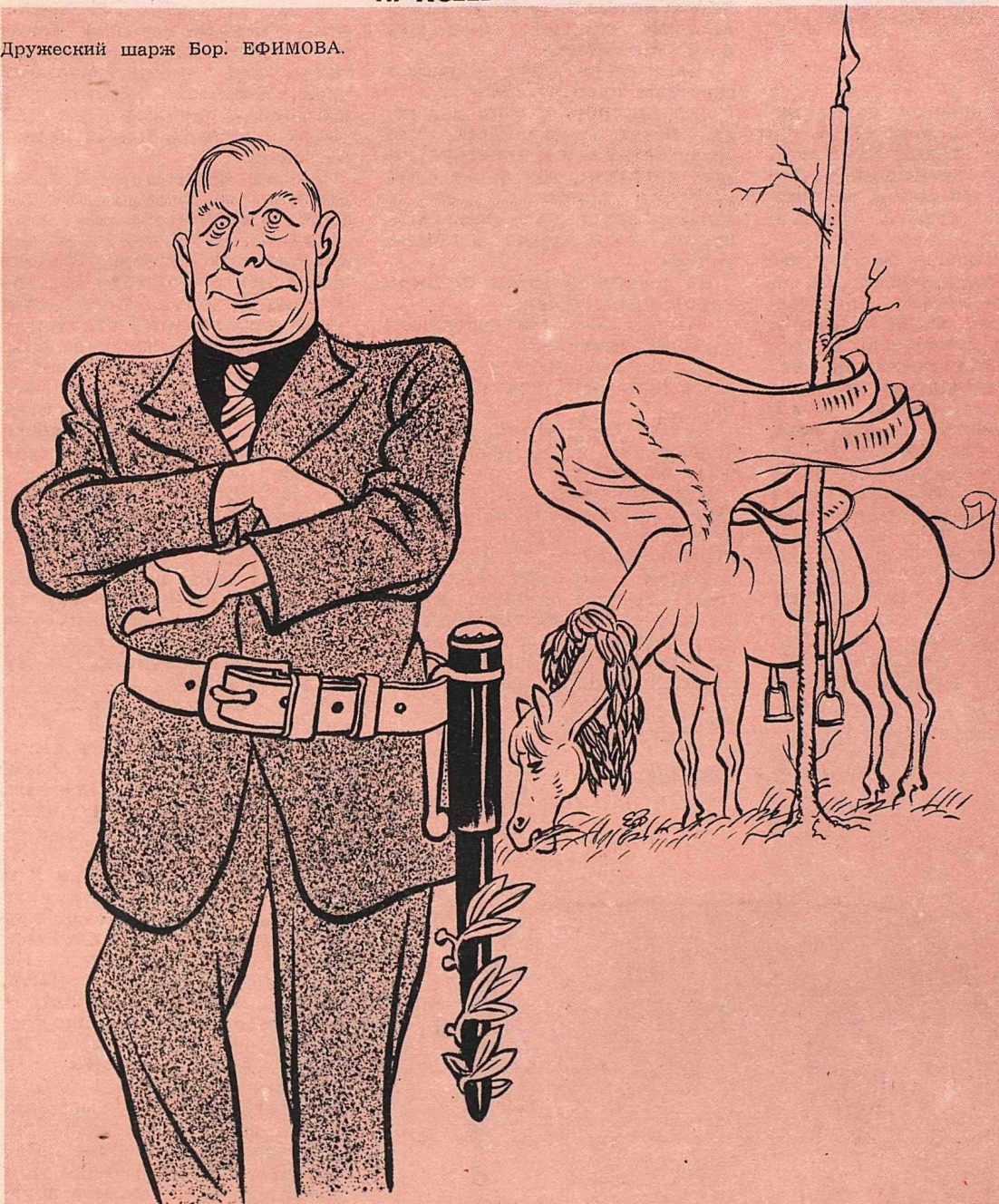
Пока запечатлевают лик блаженного Альфреда богомазы из «кольерсов» и «ньюсуиков», грядут с заводов Круппа на американские военные базы в Европе и Азии артиллерийские тягачи и танки «Пантера». Пока наёмные летописцы сочиняют «Жития святого Альфреда», который якобы проклял войну и возненавидел оружие, оный Альфред, благословясь, прибирает к рукам военные заказы Атлантического блока.

Легенда о святом Круппе нужна для того, чтобы исподволь подготовить общественное мнение к полному возрождению его зловещей империи смерти. Прожжённый торговец кровью, понимая, что его акции сегодня котируются высоко, не прочь заломить цену и даже посмеяться над своими будущими партнёрами. Блаженный Альфред знает: чудотворцы с Уолл-стрита готовы дорого заплатить за то, чтобы снова услышать голоса пушек Круппа.

Юр. ЧАПЛЫГИН

Дружеский шарж Бор. ЕФИМОВА.

Ждём!

(Н. АСЕЕВУ)

Правда,
есть
у нас
Асеев
Колька.
Этот может.
Хватка у него
моя.

(В. В. Маяковский)

Не за скрытность, а за искренность
Крепко любим мы тебя.
Потому, шеренгой выстроясь,
Говорим тебе, любя:
— Нет, не примем мы за истину,
Будто наш Асеев сник,
Наш маститый, наш неистовый,
Уважаемый Ник. Ник!
Не в бегах за гонорарищем
Рыщет Муза день-деньской.
Разве мог бы быть товарищем
Маяковскому такой?!
Нет, ещё горда доподлинно
Неподкупная строка,
И Пегас стоит осёдланным
В ожиданьи седока.
Ну-ка, выдай полной мерою,
На рысях возьми подъём!
Мы надеемся, мы веруем,
Мы не сетуем, а ждём.
Нам не надобно трюкачество,
Фокус-мокус через край.
Где же сила? Где же качество?
Если можешь, то давай!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

— Пропал! Совсем пропал! — метался по квартире тов. Исаков, директор Будённовской МТС Таласской области. Приказом начальника областного сельского хозяйства он был отстранён от работы по обвинению в том, что с его ведома обсчитывали колхозы, подделывали счета, составляли фиктивные акты и...

И теперь тов. Исаков в страхе ожидал наказания. В дверь постучали... По бледному лицу бывшего директора крупными каплями катился пот, навязчиво лезли в голову соответствующие статьи из Уголовного кодекса.

В таком состоянии и застал его вошедший приятель, бухгалтер МТС.

— Чего не приходите за заработной платой? — радушно улыбнулся он бывшему начальству.

— И ты, бухгалтер, — вскричал Исаков, — издеваешься!..

— Даже и не думаю! — успокоил его бухгалтер и отсчитал Исакову 2600 рублей новенькими бумажками — обычную заработную плату.

Хруст бумажек успокоил Исакова. Страхи пропали. И вот уже восемь месяцев, как он ничего не делает, но заработную плату ему выплачивают аккуратно. Осталось только добиться премиальных.

Судя по тому, как сердечно относятся к тов. Исакову его руководители, он этого добьётся.

Рисунок А. КРЫЛОВА.

ПИСАТЕЛЬ ВО ВСЕОРУЖИИ

— Что ты тут делаешь?
— Жизнь наблюдаю.

ЧАСЫ С БОЕМ

Проснулся я от громкого тиканья часов.

Варвара Ильинична, хозяйка колхозного Дома приезжих, стояла возле рупора, подвешенного рядом с табелем-календарём — на самом видном месте. Было семь утра, и радиоголос любезно предлагал проверить часы.

Варвара Ильинична, взглянув на ходики, горестно вздохнула:

— Опять отстали!

Потом с явным сочувствием добавила:

— Да ведь и то: разве легко такой груз тащить? А снимешь — совсем останутся...

На цепочке ходиков, вызывавших справедливый упрек в недопустимом отставании, висели, кроме обычной чугунной оловой шишки, ещё шестерёнка от комбайна и разная хозяйственная мелочь, имеющая вес.

— Утюг, что ли, повесить? Нет, видно, отслужили свой век: скоро год будет, как дочка их купила. Да, по совести сказать, и не жаль их: скучные, без боя.

Кряхтя, Варвара Ильинична опустилась на колени, пошарила под кроватью, вытащила ящик, а оттуда — часы в старинном деревянном футляре и унесла куда-то.

Вечером я увидел эти старинные часы на стене. Ещё из сеней был слышен их хрип. Едва я переступил порог, как они с бешеной скоростью пробили одиннадцать раз. Мне показалось, будто где-то по соседству ударили в набат.

На лице Варвары Ильиничны сияла блаженная улыбка.

— Бьют! — ласково проговорила она. — Отец сказывал, что купил их, когда я несмышлёнышцем ещё была. А мне семьдесят. Прежний механик из МТС не брался чинить: безнадежные, мол, устарели. А новый-то, побойчее, вишь, устроил!..

Ночью я трижды вскакивал от набатного звона, но, сообразив, что это бьют часы, снова засыпал.

Когда я уезжал из этого подмосковного колхоза и благодарил Варвару Ильиничну за гостеприимство в Доме приезжих, она попросила:

— В Москве будешь, присмотрел бы там для меня часы с боем. По радио передавали, будто по желанию потребителей всякие разные вещи изготавливают.

Я пообещал выполнить несложную просьбу.

Но сделать это оказалось не так-то просто: сколько ни бродил я по московским магазинам, часов с боем нигде не встречал. Продавцы и директора отвечали, будто сговорившись:

— Не было, нет и в будущем не обещаем!

Это, конечно, звучало безнадежно, но всё же более честно, чем то, что говорили и делали руководители Главприбора Министерства машиностроения СССР. Там обещали очень охотно, но сами ни на секунду не верили, что сдержат слово.

Не прекращается поток писем о часах в этот главк. Со всех концов страны идут сюда сотни жалоб, заявлений, требований. Всё это вопли, запечатлённые на бумаге. Немало среди них и о часах с боем.

Из Краснодара пишут, что ещё в 1950 году прочитали в газетах извещение о предстоящем выпуске часов с боем и ждут их и дожидаться не могут. Из Свердловска не без ехидства напоминают, что часы изобретателя-самоучки Кулибина, сделанные в 18-м веке, ходят и по сию пору и бой их приятен для слуха, а вот часы, выпускаемые предприятиями главка, быстро портятся и к тому же без боя. Коллектив Бартеневской МТС настойчиво просит объяснить «письмом и, если можно, по радио», почему наша промышленность, выпускающая сложнейшие машины, не может дать часы с боем.

В ответ на все письма летят

из главка обещания за подписью начальника К. М. Брицко или главного инженера А. Ф. Михайлова:

«Часы скоро будут пущены в серийное производство».

Для красного словца два года назад добавлялось, что «разрабатываются конструктивные чертежи», год назад, — что «чертежи корректируются», а полгода назад, — что «корректируется техническая документация».

Но шедевром отписки была коротенькая фраза:

«Часы с боем реализованы в торговой сети».

Дескать, мы выпускаем, а вы сами виноваты, что не покупаете.

Лучше бы уж об этом не вспоминали! А то себе наступили на мозоль.

Действительно, в начале 1952 года Московский инструментальный завод часовой промышленности изготовил опытную партию часов с боем — тысячу с чем-то штук. За них заломили такую цену, что, появившись они в магазинах, у покупателей волосы встали дыбом. Восемь месяцев тя-

нулась тяжба из-за цены, до тех пор, пока часы... не заржавели. Тогда их передали Второму московскому часовому заводу. Там многострадальные часы перебрали, промыли и поспешили продать, уже не споря о цене. А новых делать не стали.

Осенью прошлого года главе вспомнил об оборудовании для этого производства и решил сплавить всё с глаз долой. Орловский часовой завод обязали выпустить в 1954 году две тысячи часов с боем, то есть одни часы на... каждые сто тысяч душ населения нашей страны!

Одна из причин немилости к часам с боем открылась нам после разговора с заместителем начальника Главприбора А. Ф. Машириным. Он признался:

— В большом количестве мы эти часы всё равно выпускать не будем. Желающих на них не найдётся.

Вывод столь не согласовывался со спросом в магазинах и письмами, хранящимися в главке, что мы спросили:

— Любопытно знать, почему вы так думаете?

А. Ф. Маширин сказал откровенно:

— Потому, что сам бы я, например, не взял часы с боем. И вообще некоторые считают, что бой, особенно у «кукушки», это — олицетворение мещанства.

Так вот, оказывается, в чём корень зла! Если часы идут молча и только скромненько тикают, — обладатель их в Главприборе вне подозрения. Но стоит только часам пробить, или — о ужас! — прокуковать, — всё кончено, одновременно пробили час и их хозяина: он на веки веков заклеимён как презренный мещанин...

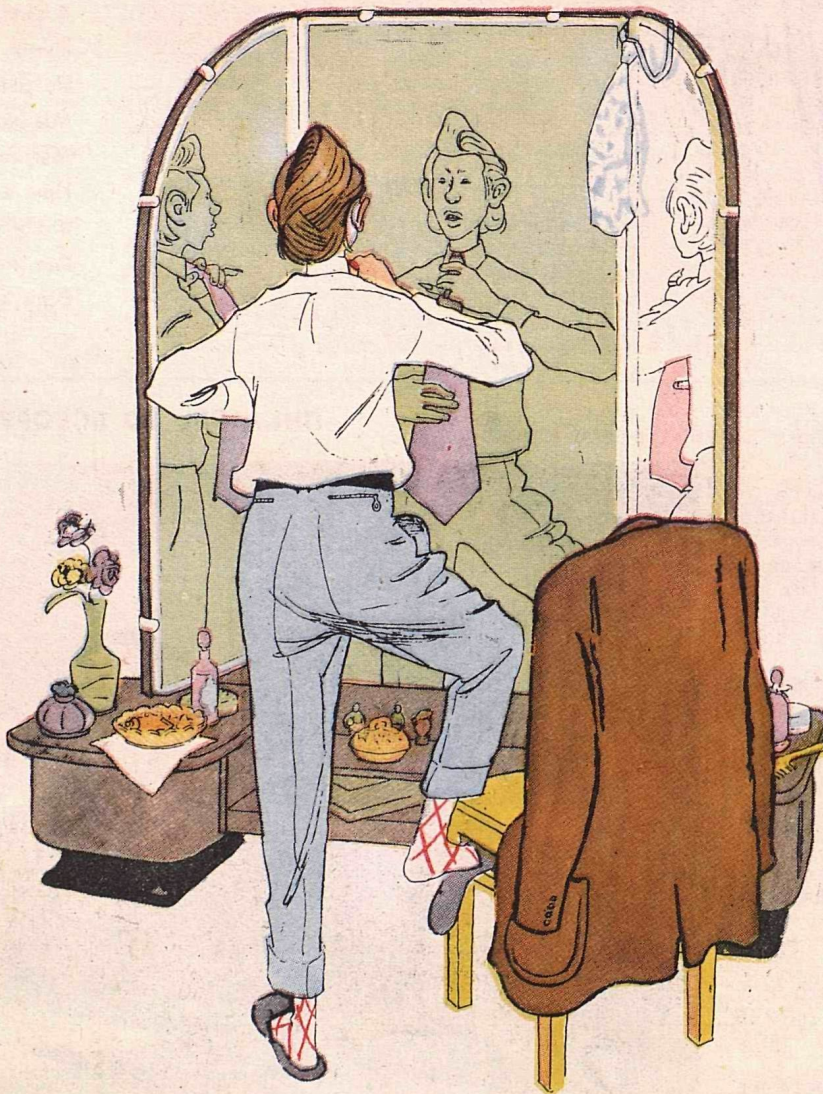
Рискуя прослыть мещанином, я всё же продолжал поиски. Но всё напрасно. Мне предлагали ходики, но при этом деликатно намекали, что хорошее их качество — дело случая. Если удались «спряжённые детали баланса», часы будут ходить довольно долго, а если нет, — не взыщите! Советовали купить стенные часы — топорное сочетание тех же ходиков и фанерного ящика изпод апельсинов. В ГУМе я увидел ещё одни часы. Про них даже говорили, что они с боем. Но оказалось, что эти часы песочные и «бой» у них особого рода. Стеклашка, в которой струится красный песок, часто бьётся по дороге в магазин, и в силу такой оказии три рубля специально накинута на бой.

Посылать песочные часы в колхоз, где давно налажена электродойка и где хлеба убираются комбайнами, я, конечно, постеснялся и написал Варваре Ильиничне, что при всём желании бессилён ей помочь.

Набатный звон попрежнему будит командированных товарищей в гостеприимном колхозном Доме приезжих у Варвары Ильиничны. Ну, что же: часы с шестидесятилетним стажем работают как могут. Заводы, руководимые начальником Главприбора Константином Михайловичем Брицко, других не дают.

ЗАНЯТОЙ ЧЕЛОВЕК...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

— Право, не знаю, чем мне сегодня заняться: то ли на танцы пойти, то ли в ресторан... или для разнообразия на лекции в институт сходить...

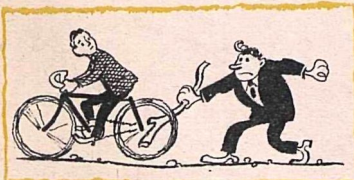
Юр. АРБАТ

Дорогой Крокодил!

Товарищ Крокодил!

Как тебе известно, весна не за горами, и мы предвидим на нашем пути горы препятствий. Впрочем, эти препятствия носят круглосезонный характер. Дело в том, что велосипедная секция областного общества «Буревестник» летом и зимой, весной и осенью находится на положении нелюбимой падчерицы из популярной русской сказки.

Руководители общества тов. Бромберг и Пастернак делают всё возможное, чтобы вставлять велосипедистам палки в колёса. Зимой нам приходится тренироваться на велостанке в чуланчике. Мороз-воевода, обходя озором владения свои, заглядывает в этот закуток и поддерживает в нём температуру 8 градусов ниже нуля! Не лучше обстоит дело и летом. У нас нет спортивной формы. Мы на состязаниях выступаем кто в чём и вызываем смех зрителей: получается что-то вроде циркового аттракциона.

Нам не дают резины. Мотивировка тов. Бромберга и Пастернака не менее растяжима, чем резина, которой они нас не снабжают. Они также наотрез отказываются арендовать для нас трек. Может быть, товарищ Крокодил, ты нажмёшь, так сказать, кое-кому на педали, чтобы наконец велосипедистам открыли «зелёную улицу»?

Е. АКУСОВ,
капитан команды.

г. Одесса.

Дорогой Крокодил!

Под этим посланием к тебе одиннадцать подписей. Ещё семерых наших сослуживцев сейчас, к счастью, нет на месте: разошлись кто куда по делам службы.

Не подумай, будто мы с ними не в ладах. Нет, мы рады временному отсутствию наших товарищей просто потому, что нам и без них тесно.

Можешь себе представить, наша санитарно-эпидемиологическая станция располагает на 18 человек помещением в 16 квадратных метров! На каждые два с по-

ловиной метра приходится по столу. За каждым столом ютятся по три медицинских работника. И нужно быть настоящим эквилибристом, чтобы, лавируя между столами, не смахнуть на пол чернильницу или какую-нибудь архивную бумагу. Ну, скажем, обещание Главного врачебно-санитарного управления Министерства путей сообщения предоставить нам другое помещение «в ближайшее время». Или приказ по министерству на ту же тему за № 86/ЦЗ.

Кстати сказать, со дня издания приказа № 86/ЦЗ прошло три года. Если этот срок можно считать юбилейным, передай, пожалуйста, министерству наши самые горячие поздравления.

Санитарные врачи В. КО-
СТАРЕВ, И. АБРАМОВА

Санитарные фельдшеры Х. БЕ-
ЛЯЕВА, Е. ЗУЕВА, В. ЗЛЫ-
ГОСТЕВА, В. ГАЛЯМИНА,
Л. КУДРИНА, В. ДАШКОВА,
М. ПОТАНИНА, Е. ШИРОКИХ,
И. КОЧКИН

Станция Пермь II,
Свердловской железной
дороги.

Уважаемый Крокодил!

До чего же удачливый человек председатель нашего сельпо тов. Семёнов!

Все беды и напасти ему нипочём.

А каких только каверз не устраивали тов. Семёнову односельчане: и на собраниях его критиковали, и в газету «Сталинское племя» писали, жаловались... Всё им, ви-

дишь ли, не так: и хлеба, мол, в сельмаге никогда не бывает, и спичек нет, и мыла, и сахара, и того, и другого!

Совсем было раскапризничались покупатели. Но вот приехала из райторготдела тов. Манаева, посмотрела на пустые полки и грозно нахмурилась.

Заскучал наш Семёнов, наказанья испугался... И действительно, спустя немного времени наказали его... денежной премией!

Теперь и вовсе некогда тов. Семёнову заботиться о подвозе продуктов в магазин. Ходит он по селу, подбоченясь, да упрощивает жителей:

Рисунок И. ГОРБУНОВА (г. Хабаровск).

— Смотрю эти объявления и удивляюсь: есть ещё разины и ротозеи!..

— Сделайте одолжение, пожалуйста на меня ещё! Пусть мне... лучше будет!

Учителя КУДРЯВЦЕВ,
ОСТРОУХОВА, КРАВЦОВА.

с. Алексеевка,
Чулымский район,
Новосибирская область.

Дорогой Крокодил!

Получив недавно одно за другим три почтовых извещения, мы были приятно удивлены. Шутка ли, наша скромная деятельность и адрес нашего Дворца культуры известны, оказывается, в столице! Нас почтил своим вниманием, пригласив сразу три посылки, Музыкальный фонд. А чтобы мы могли в полной мере оценить это внимание, на каждой посылке был указан наложенный платёж.

Правда, лишних денег для покупки таких неожиданных-негаданных сюрпризов у Дворца культуры не было, но на любезность надо, говорят, отвечать любезностью. Кое-чем поступившись, мы внесли 688 рублей, вскрыли посылки и

приступили к извлечению музыкальных новинок давностью от трёх до восьми лет.

А каким разнообразным оказался ассортимент! Отрывки из оперетты «Цыганский барон», милые, но непонятные большинству жителей Грозного детские песенки на эстонском языке, совершенно ненужное нам музыкальное сопровождение гигиенической гимнастики...

Вот мы и начинаем сомневаться: так ли уж хорошо, что коммерсанты из Музфонда знают о нашем существовании? А если им вздумается сбить наложенным платёжом всё, что залежалось у них на полках? Нет, пусть уж они лучше забудут наш адрес...

Г. ШАТАЛОВ, председатель
правления Дворца культуры.
К. ГОРДОН, художественный
руководитель Дворца.
В. КУКСОВ, руководитель
эстрадного коллектива.
А. АБРАМОВ, руководитель
хорового кружка.

г. Грозный.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ,
И. В. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ),
С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47. ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-33-47. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва. Изд. № 233. Подписано к печати 3/III 1954 г. Формат бум. 70 × 108¹/₂. 1 бум. л. — 2,74 печ. л.
А 00750. Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 720. Тираж 400 000 экз.

40 16 МАР. 1954

ПО ТЕМЕ М. ТАТАРСКОГО (КИЕВ), ПРИСЛАННОЙ НА КОНКУРС «КРОКОДИЛА»

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1954 г.

3408 м

УОЛЛ-СТРИТ: — Дал уже полный газ, а от этой тени ни на шаг не отделился.

Рисунок Бор. ЕШИМОВА

Бор. Ешимов - 54.